

ЭТНИЧЕСКОЕ В ПЕРСОНАЛЬНОМ МИФЕ

Э.И. Мещерякова, К.И. Янцен (Томск)

Аннотация. Показана взаимосвязь персонального мифа и этничности как одной из важнейших субъективных составляющих этнопсихологического статуса личности на квазипсихологическом уровне. Социальные аспекты идентичности личности в эпоху этнических катаклизмов и национального самоопределения общества в своем содержании обнаружили представления об этносе, этническую составляющую в целостной картине мира и, соответственно, в Я-концепции и Я-образе личности. Трансформация этноавтостереотипов уточнена в отношении «ядра» и «периферии» автостереотипа, детерминирована процессом дестабилизации политических и экономических условий в стране.

Ключевые слова: персональный миф, этничность, языковое сознание, личность, идентичность, этнопсихологический статус, ментальность, автостереотип.

Данная работа является фрагментом цикла исследований, проведенных на кафедре социальной и гуманитарной психологии факультета психологии ТГУ по проблеме персонального мифа в практике психологического консультирования студентов. Целью этой публикации является сообщение предварительных результатов решения одной из задач исследования, касающейся специфики связи персонального мифа с этничностью, которая может быть обнаружена по совокупности взаимосвязанных представлений и суждений об общественном бытии и этнической картине мира в содержании персонального мифа студента.

Предметом анализа в данном сообщении являются, казалось бы, два метафизических «нечто»: персональный миф и этничность. Персональный миф – это некое «нечто», которое и субъективно, и тяготеет к таинственному, и является координатой иррациональности и всем тем многочисленным, что работает в человеческой душе. Этничность – это еще более «нечто», которое порой не может быть выражено прямо, не может быть порой артикулировано, не может осознаваться: чувство этноса, нации, Родины является настолько личным и сокровенным, что порой додумывается исследователями в бесчисленных терминологических комбинациях. С двумя этими метафизическими «нечто» мы имеем дело в своей работе, операционализируя и опосредуя их множеством накладывающихся друг на друга интертекстуальных связей письменного сочинения [4, 5, 7]. Языковое сознание и автобиографические реминисценции многих наших студентов являют собой отражение своеобразного «естественного эксперимента» культурного и психологического опыта России, выживания в ней личности, формирования ее самоидентичности в меняющихся политических и экономических условиях, что «просвечивает» сквозь тексты многих персональных мифов. Естественно, что современный уровень описания сущности этничности предназначен пока только для характеристики самого факта обращения личности к духовным и национальным, народным, исконным истокам, в лучшем случае – формы, способа данности переживания этничности личностью, но не для репрезентации релевантных природе личности факторов. В данном исследовании делается попытка обобщения имею-

щихся исследований этого направления и их частичного эмпирического подтверждения.

Феноменологическое поле персонального мифа как специфического творческого акта самоосознания характеризуется внутренним миром ощущений, идей, эмоций, импульсов, предвосхищений и восприятий, воспоминаний, фантазий и образов, телесного осознания, принятия решений, ассоциирования, установления взаимосвязей, планирования и т.д. Понятие «персональный миф» в работе явилось и теоретическим, и операциональным, оно вписывается в субъективную феноменологию каждого человека и обладает огромным объяснительным потенциалом, являясь основным в модели-концепции, предлагаемой в данной работе, и это, на наш взгляд, является попыткой решения одной из современных задач отечественной психологии – концептуального обоснования субъективности в структуре целостности личности. Персональный миф рассматривается как разновидность внутреннего диалога, процесса аутокоммуникации, сопоставимый с общим культурным мифом в гуманитарном знании, как психологический вариант «классического мифа» с сохранением структурного и функционального инварианта. Он рассматривается как продукт самоосознания, основной структурной единицей которого является «смысл Я для Я», фиксированный в структуре «образа Я», когда в рамках внутреннего диалога, аутокоммуникации осуществляется сопоставление знания о себе и самоотношения. Как личностный феномен в контексте проблемы идентичности и духовного самоопределения персональный миф рассматривается как автобиографический, «беллетристический» жанр Я-концепции, смысловая идентификация личности, мифологический Я-образ, феномен иллюзионизма [9, 12, 13, 15, 22, 24, 26].

Как соотносятся понятия личности и этничности? Каковы особенности этничности как вида социальной идентичности? Ответ на эти вопросы можно найти в концепциях этнической идентичности личности как важнейшей характеристики этнического самосознания и этнической идентичности в этнопсихологических исследованиях Т.Г. Стефаненко, Е.И. Шлягиной, Г.У. Солдаковой, Н.М. Лебедевой и др. [1, 8, 14, 20, 21]. В данных работах отмечается, что в условиях острой социальной

нестабильности этнос часто выступает в качестве авариной группы поддержки, поэтому этнический миф является наиболее стойким и часто эксплуатируемым мифом современной жизни. Этнические факторы развития личности являются значимыми в ее духовном самоопределении. Этничность как осознание своей идентичности на трансперсональном уровне отражается в этнической картине мира (как части целостной), может находить свое выражение через личностную мифологию [18, 19, 24, 25].

По Г.У. Солдатовой, этничность – это неотъемлемая часть социальной идентичности человека, формирование и функционирование которой подчиняется определенным социально-психологическим закономерностям [20]. В символическом интеракционизме Дж. Мида обосновано утверждение, что личностная идентичность формируется в процессе социального взаимодействия [27]. С. Московичи (1984) была предложена гипотеза об организации сознания индивида по типу идентификационной матрицы как специфической категориальной системы знаний субъекта. Основу идентификационной матрицы человека составляют множество идентичностей, в том числе этническая. Я-концепция личности – когнитивная система, выполняющая роль регуляции поведения, – включает личностную и социальную идентичность. Первая относится к самоопределению в терминах физических, интеллектуальных и нравственных личностных черт, вторая – складывается из отдельных идентификаций и определяется принадлежностью человека к различным социальным категориям, в том числе и этносу [17].

Среди социально-перцептивных феноменов этнической идентичности ключевым является этнический автостереотип, имеющий структуру этнического образа индивида. Поскольку личность функционирует на синхронном этнокультурном фоне, описываемом через совокупность атрибутивных признаков о действительных или воображаемых специфических чертах собственной этнической группы, она может быть соотнесена с понятием этнического образа – представлениями о типичном для этносе индивиде [3]. Этническое Я соответствует квазипсихологическому уровню актуального этнопсихологического статуса личности по А.Г. Асмолову и Е.И. Шлягиной. Под актуальным психологическим статусом личности авторы подразумевают степень выраженности и знак этнической идентификации личности, уровень этнической толерантности и возможные трансформации смысловой сферы личности, которые могут возникнуть при взаимодействии с представителями других этнических групп. Выделенный исследователями первый, квазипсихологический уровень статуса охватывает бытующие в культуре представления об эталонах восприятия, нравственных ценностях и нормах поведения, этническом характере, они могут быть индикаторами латентных этнических настроений.

Именно эти представления о различных этнических стереотипах и есть то, что социализируется личностью в ходе ее интериоризации в той или иной этнической общности [1].

Этничность включает понятие «национальность», которая, по Н.В. Бердяеву (1994), является бытийственной индивидуальностью, одной из иерархических ступеней бытия, через которую человек входит в человечество, и через национальную глубину раскрывается глубина всемирная, всечеловеческая. Этнос, нация обладает большой универсализирующей возможностью [2]. В последнее время на смену понятию «национальный характер» приходит понятие «ментальность». Оно ближе всего к русскому «миропониманию». Понятие менталитета и ментальности только в настоящее время разрабатывается российской наукой, хотя на Западе оно давно уже широко вошло в научный оборот, и в настоящее время большинство авторов употребляют термины «менталитет» и «ментальность» в основном как равноценные. Через понятие «ментальность» исследователями рассматривается трансцендентная для социума бытийная природа, «бесконечная реальность», «дух». Духовное самоопределение, самореализация личности через понятие ментальности указывает на феномен утверждения человеком трансцендентного, духовного смысла жизни, «мистической нравственности». Рассматриваемая в философском аспекте категория ментальности представляет экзистенциально-ценностный феномен как некое душевное пространство саморегуляции, в котором происходит конкретное проживание, реагирование, осмысление и определение экзистенциального характера человеческой самости. «Самость» рассматривается как изначальный, первичный для культурно-исторического существования акт экзистенциальной человеческой сопричастности, соединенности с Бытием, в котором отражаются иррациональные, «мистические», неопределяемые категориально состояния человеческой души [2, 5, 23].

В целом понятие ментальности позволяет отрефлексировать экзистенциальные, иррациональные и духовные критерии отношения человека к себе, на важность учета которых и ранее указывали авторитетные ученые [2, 6, 10, 16]. Но обращение к бытийной, иррациональной глубине в человеке конфликтует с доминирующим в научном сознании до настоящего времени позитивизмом. Господствующая установка позитивизма, основанная на преобладающем интересе к осмыслению временных, преходящих феноменов сознания, принципиально игнорирует постижение экзистенциального характера и духовной ценности человека в контексте бытийности как «вечной темы». В настоящее время в психологии в связи с задачами практики развивается тенденция к прорыву за пределы рациональных систем в направлении к Бытию, в результате чего возникают глубокие экзистенциально-онтологические философские и психологические прозрения [5, 15, 18].

Важность исследования менталитетных особенностей персонального мифа связана с тем, что параметры и индикаторы образа Я в качестве конструкторов социальной идентичности, этничности, выражают отношение к окружающим, актуальную духовную связь с этносом. Укажем на предварительный характер данного исследования, который позволил установить взаимосвязь психосемантического пространства персонального мифа и этничности. Психосемантическое пространство персонального мифа на данной выборке анализировалось через 41 признак-тему текстов персонального мифа, полученных с помощью контент-анализа. По содержанию темы-признаки представляли собой характеристики темпоральности, сюжетности, реальности, направленности (на себя или на внешний мир), рефлексии, судеб человечества, проблемы образа Я и самооценки, абсолютной свободы, спасения природы и т.д. Кроме того, студентам было предложено написать мини-сочинение на тему «Когда и как я осознал свою национальность». Среди них были студенты, обратившиеся за психологической помощью и включенные в консультационный процесс, что давало возможность проанализировать этничность у большой группы студентов, а затем сопоставить результаты с данными анализа персонального мифа по исследуемой выборке. Было выделено 43 признака-темы, характеризующих этническую самоидентификацию, разбитых на две категории: эмоции, сопровождающие описание процесса этнической самоидентификации, и события, повлиявшие на ее появление и формирование.

Были отобраны сочинения русских студентов для исключения из анализа переменной «национальность». Переменная «количество тем» обозначает общее количество всех тем-признаков в каждом тексте по этнической самоидентификации. Значение этой переменной показывает степень значимости для респондента проблемы этнической самоидентификации, уровень его этнического самосознания, а также способность к созданию мифа о своей этничности. Результаты проверки гипотез о равенстве долей показывают, что средний и высокий уровни этнического самосознания и способности к мифотворчеству (3–6 тем) встречаются гораздо чаще, чем низкий уровень (1–2 темы), в случае влияния следующих тем-признаков: наличие в роду других национальностей, гордость за свою нацию и национальность, пребывание за границей, патриотизм, сравнение своей национальности с другой, страх перед представителями других национальностей, осуждение других наций, запись в паспорте о национальности, общение в раннем детстве с детьми других национальностей, подчеркивание особой духовности своей национальности, посещение церкви, любовь к национальным блюдам.

Кластерный анализ текстов по этнической самоидентификации выявил три различных группы студентов с одинаковым типом этнической самоидентификации. В дальнейшем в связи с задачей и гипотезой нашего ис-

следования о взаимосоответствии типов этничности и персонального мифа было проведено сопоставление кластеров персонального мифа и этнической самоидентификации. В результате было выделено три новых макрокластера, анализ содержания которых позволяет говорить о кризисной социальной идентификации во всех группах.

В кластер I по этничности вошёл 31 респондент. Наиболее значимы для этого кластера 4 признака с одинаковым уровнем значимости ($p < 0,00001$): интернационализм, космополитизм, безразличие к национальности; запись в паспорте о национальности; не может определиться со своей национальностью; наличие в роду разных национальностей, «осуждение национализма и шовинизма».

Следующий по значимости признак – сравнение своей национальности с другими национальностями. Этот признак ни разу не встречается в кластере I. Причины отсутствия этого признака также очевидны: те, кто безразличен к своей национальности, безразличен и к этническим различиям и сходству. Данный тип этнической самоидентификации характеризуется отсутствием гордости за свою нацию и национальность. Наличие всех вышеперечисленных признаков частично можно объяснить отсутствием у представителей этого кластера следующего по значимости признака – «общение в раннем детстве с детьми других национальностей», характеризующего ранний импринтинг этничности. Никто из респондентов, входящих в данный кластер, не был в других странах, не стремится сравнивать свою национальность с другими и не испытывает ни положительных, ни отрицательных эмоций по поводу своей принадлежности к определенной нации, а также гордости и обиды за нее. Вклад в формирование кластера I внёс также признак «готовность поменять свою национальность». Этот признак встречается только у одного респондента во всей выборке. Сочинение данного респондента было рассмотрено отдельно. Было выявлено, что студентка, написавшая его, наиболее типичный представитель данного типа этнической самоидентификации, так как в ее сочинении присутствуют все признаки, с которыми сопряжен кластер I. Не исключено, что и другие представители данного кластера могли бы сказать, что готовы поменять свою национальность, если бы им специально был задан такой вопрос. В целом кластер I можно условно назвать кластером «этнической индифферентности».

В кластер II этнической самоидентификации вошли 129 респондентов. Наиболее значимым признаком для данного кластера является пол. Из 137 девушек по всей выборке в него вошли 116 (84,7%), из 87 юношей всей выборки – 13 (15%). Для данного кластера значимо сравнение своей национальности с другими. Из сравнения своей национальности с другими представители данного типа делают вывод об особой духовности своей национальности (из 32 по всей выборке 25 входит в клас-

тер II). Характерным является признак «стыд за свою нацию» (из 7, стыдящихся за свою нацию, все 7 входят в кластер II). В целом кластер II может быть условно назван кластером «этнической сензитивности».

В кластер III этнической самоидентификации вошло 64 респондента. Наиболее значимым признаком является, как и в предыдущем кластере, признак «пол»: из 87 юношей 63 (72%) входит в кластер III, а из 137 девушек – только одна. Значимыми для этого типа этнической идентификации являются признаки «чтение русской классической литературы в школьные годы» и «служба в армии», а также осознание своей национальности в связи со студенческой жизнью. Конкретные фабулы сочинений, отмечающих влияние на осознание своей этничности студенческой жизни, связаны с упоминаемой вражды со студентами кавказской и бурятской национальностей в общежитии; рассказами однокурсников, побывавших за границей, о недостатках и ущербности иностранцев; гордость, например, за то, что «никто не может пить так, как русские». На этническую самоидентификацию юношей значимо повлияла война в Чечне. В целом у всех представителей данного типа были особые ситуации для осознания своей национальности, так как признак «отсутствие особых ситуаций для осознания своей национальности», «никогда не задумывался об этом» ни разу не встречается в протоколах сочинений кластера III. Можно отметить, что юношам, более чем девушкам, присуще чувство сопричастности к нации и национальности. В целом кластер III может быть условно назван кластером «патриотической этничности».

Сопоставление кластеров персонального мифа и этнической самоидентификации позволило выделить три новых макрокластера, анализ содержания которых позволил определить тип социальной идентификации, характерный для той или иной группы персональных мифов.

В макрокластер I вошли тексты испытуемых с «романтическими» персональными мифами о свободе и этничностью по сензитивному типу. Этническая идентификация у этих респондентов имеется на глубинном и осознаваемом уровнях, но она хрупка, не находит реализации в социуме, является амбивалентной, что четко проявляется в расхождении знаков этнической идентификации на осознаваемом и неосознаваемом уровнях. Макрокластер II составили респонденты с прагматическими мифами о реальности и «патриотической» этничностью. Этничность этого уровня является у респондентов осознаваемой и декларируемой, они склонны воспроизводить этнические лозунги и декларации. В макрокластер III вошли тексты испытуемых с персональными мифами «эгоцентрического» характера и «этнической индифферентностью». Очевидно, кризисная диффузная идентичность отражает внутреннюю напряженность и социальную дезориентацию, отход от социальных контактов, что может свидетельствовать о серье-

зных нарушениях этнической идентификации личности и ее неустойчивости.

Гендерные аспекты этничности актуализируются в «мужских» мифах «романтиков» и «прагматики»: ими представлены активные до агрессивности мифы о жизни-борьбе, где автор текста – главарь, хозяин, идентифицирующийся с детективами, ковбоями, «таинственными суперменами». Эта агрессия в дальнейшем консультационном рассмотрении оказывалась невыплаканными, запрещенными для мужчин слезами и по тематическим признакам была связана с проблемой развития национального самосознания и пробудившимся в обществе интересом к историческим и национальным корням. Это подтверждается выбором из эпосов агрессивных моментов, работающих на возвеличивание именно своей национальности. Очевидно, мифологический образ воинственного юноши-героя имеет сложные истоки, связанные с идеями агрессивного национализма как альтернативы антигероической позиции прежних поколений. В настоящее время слово «герой» приобретает, наконец, свой первоначальный смысловой образ: «Древнее имя личности – герой» по Вяч. Иванову [10].

Данные взаимосвязи не означают обязательного взаимосоответствия определенного типа этничности какому-либо определенному типу персонального мифа у каждого респондента, их связь выявляется на типологическом уровне. Этническая идентичность как одно из условий целостности личности является динамической структурой, может менять свое содержание и направленность в зависимости от социокультурной ситуации, что может находить отражение в тексте персонального мифа. Квазипсихологический уровень актуального этнопсихологического статуса личности отражает эти представления студентов в качестве того, что ими было социализировано в ходе интериоризации в данной этнической общности, но не отражает место и функции этничности в целом в их индивидуальной жизни.

Для подтверждения этого тезиса и выявления динамики структуры этнической идентичности было проведено лонгитюдное исследование автостереотипов студентов-юристов и историков как характеристики динамики российской ментальности 1994–2000 гг. Задание состояло в определении характеристик положительных и отрицательных черт русских (автостереотипов). Такое задание является традиционным в русле исследования имплицитных концепций (обыденных представлений), одобряемых обществом качеств, оно затрагивало лишь один из аспектов этнопсихологической проблематики – тему трансформации этностереотипов (автостереотипов) в процессе политической и социальной дестабилизации в стране.

В качестве рабочей гипотезы мы предположили, что трансформация этностереотипов детерминирована процессом дестабилизации политических и экономических условий в стране. Целью этого фрагмента исследования было доказательство наличия взаимосвязи между

упомянутыми процессами, для чего были выдвинуты и решены следующие задачи: 1) исследовать этнические стереотипы (автостереотипы), существующие в самосознании студентов ТГУ на период 1994 и 2000 гг.; 2) провести их сравнительный анализ; 3) проследить динамику этноавтостереотипов.

Таким образом, объектом исследования было этническое самосознание студентов, предметом – этнические стереотипы (автостереотипы). Обработка ответов по 120 протоколам обследования (60 – в 1994 и 60 – в 2000 г.) производилась методом контент-анализа, единицей которого стали, во-первых, качество, выраженное в форме отдельного понятия, или оценочного суждения; во-вторых, гнезда качеств-синонимов. В первом случае было названо 405 качеств-автостереотипов, во втором – общее количество характеристик составило 722 единицы. Если произвести распределение всех суммированных качеств-автостереотипов по выделенным в результате первичного анализа двум группам – с преобладанием положительных оценок (первая) и отрицательных (вторая), – то соотношение групп как в первом, так и во втором случае составит приблизительно 2:1. Такое соотношение свидетельствует о проявлении эффекта гомоописания, что является естественным, так как автостереотип всегда имеет тенденцию к более благоприятной оценке «самых себя» и отторжению критики. Самыми «главными» качествами русского человека, по мнению участников лонгитюда, является «доброта» (7,9% обследуемых в 1994 и 6,5% – в 2000 г.), в межличностных отношениях она проявляется как доброжелательность, душевность, радушие, отзывчивость, сердечность, милосердие, великодушие, сострадание и сопереживание. Чаще всего участники опроса атрибутировали и оценивали качества, отражающие общий стиль поведения русского человека и отношение к другим, реже – отношение русского человека к самому себе, их было упомянуто в первом случае 11, во втором – 22, причем ни одно из этих качеств не преодолело однопроцентный барьер. Этот факт свидетельствует о типичной для русского человека установке на другого (групповой стереотип поведения и слабая фиксация самооценки).

«Недостатки» русских преобладают над достоинствами лишь в двух «гнездах» стереотипов, одно из которых фиксирует отношение к труду, другое – социальные характеристики. По мнению участников первой и второй групп, русский трудолюбив, но безответствен. Как в 1994, так и в 2000 г. все респонденты в качестве отрицательной характеристики отмечают пьянство, хотя в 2000 г. процент этих оценок снижен; в первом случае среди отрицательных характеристик наряду с «пьянством» отмечается также и «праздность» (1,2%), а среди положительных характеристик однопроцентный барьер преодолевает только «патриотизм» (1,4%).

При сравнении результатов 1994 и 2000 гг. можно сделать следующее заключение: ядро автостереотипа ос-

талось неизменным, и это понятно, так как оно воспроизводится благодаря этноисторической преемственности, трансляции не только обычаев и ритуалов, но и памяти о «былом». Периферийная же часть автостереотипа является более подвижной и изменяется под действием дестабилизации социально-политических и экономических условий в стране. Остались неизменными такие качества-характеристики русских, как лень, ум, наивность, щедрость, общительность, легкомыслие, безответственность, простота, трудолюбие, т.е. процент респондентов, отметивших данные качества в 1994 и в 2000 гг., практически совпадает. Из автостереотипа ушли такие характеристики, как сила воли, душевность, патриотизм, праздность, стойкость. Им на смену пришли: смелость, откровенность, наглость, грубость, чувство юмора, злость, зависть, широта души, безалаберность, чувство сострадания, эгоизм, жадность, ответственность – качества, востребованные в настоящее время, по мнению респондентов, и они составили периферийную часть автостереотипа.

Таким образом, социокультурная ситуация обусловила трансформацию содержательной структуры этнической идентичности, что выявилось в изменении набора характеристик, используемых для самоописания. Рабочая гипотеза о том, что трансформация этностереотипов детерминирована процессом дестабилизации политических и экономических условий в стране, подтвердилась и была уточнена в отношении «ядра» и «периферии» автостереотипа. Сопоставление кластеров персонального мифа и этнической самоидентификации, позволившее выделить три других макрокластера, и анализ их содержания позволяют говорить о кризисной социальной идентификации по всем трем типам персонального мифа студентов – «романтическому», «прагматическому» и «эгоцентрическому».

Дискурс работы позволил обобщить некоторые наиболее интересные факты и закономерности исследования персонального мифа в их соотношении с современными тенденциями в российской общественной жизни, ответить на вопрос, почему миф существует всегда. Главной психологической причиной этого является всегда существующее у человека желание выйти за пределы собственной актуальности. Поэтому даже у самого последовательного рационалиста остаются, по меньшей мере, в подсознании элементы мифологического сознания: иррациональные, образные, чувственные представления о всеобщей смысловой цельности бытия как условия стабильности. Как показывает наше исследование, потребность в ощущении стабильности проецируется на обычные житейские ситуации. Миф действителен для человека в той мере, в какой человек ощущает в нем наличие ответа на жизненно важные для себя вопросы, в том числе и вопросы духовной связи с этносом.

Литература

1. Асмолов А.Г., Шлягина Е.И. Национальный характер и индивидуальность: Опыт этнопсихологического анализа // Психологические проблемы индивидуальности. М., 1984. Вып. 2.
2. Бердяев Н.А. Эзотерическое рабство хаотических русских душ / СОЦИС. 1994. № 6. С. 59–63.
3. Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. М.: Наука, 1983. С. 89–94.
4. Гаспаров Б.М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. М.: Новое литературное обозрение, 1996. 352 с.
5. Гачев Г.Д. Язык как голос национальной природы // Национальные образы мира: Космо-Психо-Логос: Курс лекций. М., 1998. С. 182–206.
6. Голосовкер Я.Э. Логика мифа. М.: Наука, 1987. 218 с.
7. Донцов А.И., Стефаненко Т.Г., Уталиева Ж.Т. Язык как фактор этнической идентичности // Вопросы психологии. 1997. № 4. С. 75–86.
8. Дробязева Л.М. Этническое самосознание русских в современных условиях: идеология и практика // Советская этнография. 1991. № 1. С. 3–13.
9. Зобов Р.А., Келасьев В.Н. Социальная мифология России и проблемы адаптации: Учебное пособие. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1997. С. 18–42.
10. Иванов Вяч. Легион и соборность. Аліта. Прологомены о демонах (Лик и личины России). Взгляд Скрябина на искусство. Скрябин и дух революции // Собр. соч. Т. 3. Брюссель, 1979. С. 172–287.
11. Касьянова К. О русском национальном характере. М., 1994. 367 с.
12. Короленко Ц.П., Дмитриева Н.В., Загоруйко Е.Н. Идентичность в норме и патологии. Новосибирск, НГПУ, 2000. 256 с.
13. Косарев А.Ф. Мифология и ее эвристическая значимость: Формы человеческого бытия и способы их постижения в их исторической перспективе. Автореф. дис. ... докт. филос. наук. Томск, 1997. 37 с.
14. Лебедева Н.М. Новая русская диаспора: Социально-психологический анализ. М.: 1997.
15. Лобок А.М. Психология мифа. Дис. на соиск. ... докт. психол. наук. М., 1998. 55 с.
16. Лосев А.Ф. Из ранних произведений. М.: Правда, 1990. 655 с.
17. Московичи С. Социальные представления: исторический взгляд // Психол. журн. 1995. № 1. С. 3–18; № 2. С. 3–14.
18. Мунье Э. Манифест персонализма / Пер. с фр. М.: Республика, 1999. 559 с.
19. Почебут Л.Г. Этнические факторы развития личности // Введение в этническую психологию / Под ред. Ю.П. Платонова. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1995. С. 66–83.
20. Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности. М.: Смысл, 1998. 388 с.
21. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология. М.: Ин-т психологии РАН, «Академический проект», 1999. 320 с.
22. Чудова Н.В. Мифологическая составляющая образа Я // Психол. журн. 1999. Т. 20. № 5. С. 45–50.
23. Шамолин Р.В. Самореализация человека как феномен русской ментальности. Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Томск, 2000. 25 с.
24. Эрикссон Э.Г. Идентичность: юность и кризис. М., Прогресс, 1996. С. 153–218.
25. Archer S.L. The status of identity: reflexyions on the need for intervention // J. Adolesc. Vol. 12(4). 1989. P. 345–349.
26. Feinstein D. Personal mythology as a paradigm for a holistic public psychology // American Journal of Orthopsychiatry. 1979. Vol. 49. P. 198–217.
27. Mead G.H. The Individual & the Social Self. Chicago-L., 1982. P. 104–209.

ETHNIC THINGS IN A PERSONAL MYTH

E.I. Metsherjakova, K.I. Janzen (Tomsk)

Summary. The interrelationship of personal myth and ethnic identity as one of the most important subjective compounds of ethnopsychological status of the personality at a quasipsychological level is shown. The social aspects of person identity in the epoch of ethnic cataclysms and national self-determination of the society in its content detected the notions about ethnic groups, ethnic compound in the entire picture of the world and respectively in Self-conception and Self-image of the personality. The transformation of ethnoautostereotypes is defined more exactly regarding 'core' and 'margin' of autostereotype, is determined by the process of destabilisation of political and economic conditions in the country.

Key words: personal myth, ethnic identity, linguistic consciousness, personality, identity, ethnopsychological status, mentality, autostereotype.